

Кронштадтская история с ее сказочной ликвидацией была крупным триумфом Красной Армии и одновременно являлась трагическим эпизодом на фронте внутренней политической жизни Советской России. Кронштадтские события весны 1921 г. — это только один из наиболее болезненных эпизодов внешнего выражения того политического кризиса, который назрел к тому времени и который был превзойден правильным курсом, взятым съездом партии.

Я отнюдь не задаюсь целью детально проанализировать причины, вызвавшие к 1921 г. общеполитический кризис и частное его проявление в кронштадтских формах. Постараюсь изложить лишь в последовательном порядке то, что видел и знал, обращая главным образом внимание на военную сторону вопросов, и если обнаружение некоторых недочетов в деятельности наших войск и управлении послужит материалом для пытливейшей военной мысли Красной Армии, суммирующей в настоящее время прошлый опыт, то сочту свою задачу исполненной.

Напомним в общих чертах положение, создавшееся к началу 1921 г.

Наши враги в связи с создавшимся в России внутренним положением находят, что время для возобновления активной борьбы подошло, и, лишь изменяя приемы борьбы, пытаются взорвать Советскую власть изнутри. Строя расчеты главным образом на некотором недовольстве крестьянства и колебании части рабочих, они переходят к организации банд, разрушению путей сообщения, государственных и стратегических сооружений, вплоть до повстанческой партизанской борьбы. Под руководством социал-революционеров вспыхивает сильное повстанческое движение кулачества в Сибири, усиливается восстание в Тамбовской губернии, появляются крупные банды в Воронежской и Саратовской губерниях, не говоря уже о вечно мятущемся, неугомном юге. В довершение всего 28-го февраля 1921 г. судовые команды дредноутов «Петропавловск» и «Севастополь» выносят ультимативную резолюцию, направленную против Советской власти и диктатуры пролетариата, которая 1 марта принимается подавляющим большинством кронштадтского гарнизона.

Основными требованиями указанной резолюции, помещенной в № 1 «Известий Временного ревкома Кронштадта» от 3 марта 1921 г., были:

1) пере выборы Советов путем тайной подачи голосов и при условии свободной предвыборной агитации;

- 2) свобода слова и печати для всех рабочих и крестьянских организаций, анархистов и левых социалистов;
- 3) свобода собраний всех профессиональных и крестьянских объединений;
- 4) упразднение политотделов;
- 5) созыв беспартийной конференции Петроградской губернии;
- 6) упразднение коммунистических боевых отрядов;
- 7) освобождение политических заключенных, принадлежащих к социалистическим партиям;
- 8) снять заградительные отряды;
- 9) предоставить крестьянам право свободного использования земли по их усмотрению;
- 10) полная свобода кустарного производства.

Ясно, к чему должно было повести удовлетворение этих умело облаченных в революционную форму требований. В кронштадтском восстании против Советов применяется новая тактика: опыт трехлетней борьбы с Советской Россией доказал контрреволюционным силам, что всякая попытка бороться с Советами, пользуясь лозунгами не только крайне правых групп, но и Учредительного собрания, обречена на неудачу. Советский строй получил свое фактическое признание, и с диктатурой пролетариата, осуществляемой через Советы, можно бороться, уже только выкинув лозунг «настоящей» Советской власти, *без коммунистов*, — лозунг «вольных Советов»...

Кронштадт — первоклассная морская крепость, усиленная могучей артиллерией стоящих в порту судов, защита подступов к Петрограду — оказался в руках врагов Советской России. Для ликвидации мятежа и возвращения столь важной для нас морской крепости вооруженных сил в Петроградском военном округе оказалось недостаточно. Высшая Советская власть путем переговоров с мятежным гарнизоном пыталась уладить вопрос бескровно, но, когда выяснилась полная невозможность образумить взбунтовавшихся, находившихся во власти контрреволюционных организаций, и отметились их попытки распространить свое влияние и на берег, было приступлено к сосредоточению войск для овладения крепостью. Для участия в этой операции была предназначена в числе других частей и 27-я Омская стрелковая дивизия, которой к этому времени командовал пишущий эти строки.

К началу кронштадтских событий 27-я Омская дивизия находилась в Гомельской губернии, где наряду с несением различных караульных нарядов некоторыми своими частями вела борьбу с бандитизмом. Части дивизии, в главной своей массе расквартированные по деревням, населенным не вполне

благожелательно настроенным к Советской власти крестьянством, находились в весьма тяжелых материальных и санитарных условиях, не говоря уже о совсем неблагоприятных условиях для ведения боевой подготовки в частях и политического просвещения. Так, при хроническом отсутствии жиров и приварка военнослужащие получали три четверти фунта хлеба в суточную дачу. Обувки недоставало на 75 процентов общего состава частей, что в связи с весенней погодой и распутицей особенно давало себя чувствовать; обмундирования же недоставало на 50 процентов состава.

И хотя в дивизии, с ее богатейшим боевым прошлым, в свое время удалось укрепить боевые традиции и воспитать революционно-боевой дух, тем не менее благодаря исключительному неблагоприятному материальному положению настроение войск в то время было подавленным. Дивизия, как старый аристократ, растративший все свои материальные средства, жила исключительно воспоминаниями о прошлом благополучии и славе. Из-за хронического недоедания красноармейцы физически были настолько истощены, что часы строевых занятий в частях вначале были сокращены до трех в сутки, а затем занятия с красноармейцами почти совсем замерли. Велась главным образом подготовка командного состава. Так, для старшего командного состава и военных комиссаров были организованы занятия в штабе 79-й бригады, находившемся в центре расположения дивизии, в гор. Новозыбкове. Присутствуя на этих занятиях в Новозыбкове в первых числах марта, я был несколько изумлен, когда мне передали, что меня вызывает к прямому телеграфному проводу для переговоров командующий армиями Западного фронта тов. Тухачевский. Дословно привести разговор возможности не имею, да это и не столь существенно, так как весь разговор ограничился предупреждением тов. Тухачевского, что в связи с некоторым беспокойством на фронте и брожением в районе Петрограда дивизия может быть назначена для весьма ответственной задачи. На его вопрос, каковы мои соображения насчет настроения и состояния дивизии, которую, судя по прошлому, он считал одной из наиболее стойких и боеспособных, я изложил тяжелое положение, в котором она находилась, и заявил, что вследствие этого настроение ее, маневренная способность, как и общее состояние, значительно уступают состоянию дивизии в то время, когда она из Сибири прибыла на Западный фронт; при этом я указал конкретно на особенно острые нужды. Тем не менее я высказал свое мнение, что в какой угодно обстановке влияние старого кадра скажется и дивизия может быть привлечена к делу независимо от степени сложности и ответственности задач. На этом

разговор кончился. Воспользовавшись случаем сбора всего командного состава и комиссаров (до начальника отдельной части включительно), я сделал, соответственно предупреждению командующего армиями Западного фронта, предварительные указания и сам с начальником штаба поспешил в штаб дивизии (в Гомель) для более интенсивного проведения подготовительных работ.

Была произведена некоторая перегруппировка частей для подвода их ближе к пунктам возможной погрузки; со значительной затратой энергии и слов пришлось буквально выцарапать у снабжающих органов (управление снабжения 16-й армии) обозно-вещевое имущество; приходилось заботиться и об изыскании продовольственных запасов для обеспечения питания частей в пути, так как выяснилось, что управление продснабжения армии не удовлетворит полностью нашей потребности. Хорошо еще, что некоторые (за исключением Стародубского) уездные исполкомы в продовольственном вопросе отзывчиво шли навстречу и действительно оказали существенное облегчение частям.

Дивизия как бы проснулась — работа всюду кипела; но кипела работа и у врагов. По-видимому, зарубежному савинковскому бюро было известно, что 27-я дивизия намечается для действий против мятежников, и потому стал замечаться обильный наплыв в район расположения дивизии эсеровской агитационной литературы (листовок), издаваемой, по-видимому, где-то поблизости от границы. Эти листовки разные личности пытались распространять в деревнях, где квартировали войска, и в казармах в Гомеле. Однако литература успеха среди красноармейцев не имела. Так, патрули от 242-го Волжского и 235-го Невельского полков ежедневно лично мне доставляли целые нераспечатанные кипы этих листовок, подбравшиеся ими по ночам во время патрулирования в районе казарм и, главным образом, железнодорожного поселка. В некоторых случаях этой литературы за ночь набиралось до нескольких пудов. Лозунги листовок были почти тождественны с кронштадтскими, если не считать, что часть листовок была явно погромного (против евреев) характера. Мною было сделано распоряжение листовки эти от красноармейцев не прятать, а политработникам в беседах оглашать их и тут же разъяснять, к чему все это направлено и в чьих интересах. При применении нами этого способа — там, где политработники были достаточно сильные и толковые, — настроение красноармейцев отнюдь не ухудшалось. Настроение же командного кадра и частей, состоявших целиком из старослужащих красноармейцев, не оставляло желать лучшего.

5 марта был получен приказ об отправке (с назначением ст. Лигово) лишь 79-й стрелковой бригады в распоряжение командующего 7-й армией, причем никаких указаний о характере предстоящей бригаде задачи не было. Мои неоднократные попытки получить разъяснения, для того чтобы знать, к чему готовить войска, были безрезультатны. Политическое управление Западного фронта молчало, и, провожая 79-ю бригаду, в напутственной записке командиру ее, тов. Хаханьяну, в 22 часа 7 марта мне пришлось писать: «Кроме лаконического указания, что дивизия в районе выгрузки поступает в распоряжение командарма тов. Тухачевского, никаких дополнительных разъяснений Штазапа, несмотря на мои запросы, не получал. Суть разворачивающихся событий уясню только из газет, столь запоздалых, что делиться с вами этим нет смысла». В этой же записке комбригу тов. Хаханьяну, как моему заместителю в районе развертывания дивизии, поручил доложить командарму-7, что дивизия выступает с наличием в обозе всего 50 парных повозок и 200 двуколок, причем «даже этот отпуск был сопряжен с невероятно многословными переговорами (с начальником снабжения 16-й армии), что замедлило получение их со складов, и выдать частям при их следовании, очевидно, не успеем». Вместо необходимых 150 кухонь было получено 14, обуви вместо 15 тыс. пар получили 5800 и остальное в той же пропорции.

Мне неоднократно доводилось из состава разных армий и округов отбывать с частью на другой фронт, и приходится поражаться удивительной аналогии в отношении снабжающих органов к провожаемой части. Начальники снабжения армий, по-видимому, не всегда уясняют себе, в какой степени успешность выполнения дивизией государственной важности задачи зависит от них.

По окончании погрузки 79-й бригады (с приданным легким артиллерийским дивизионом) последовало распоряжение об отправке всей дивизии в следующей последовательности частей: 80-я стрелковая бригада, затем сводный тяжелый артиллерийский дивизион, полевой штаб дивизии (оперативное управление с отделом и частями связи и легкими аппаратами от всех отделов управления), кавалерийский полк, 81-я бригада и все остальные части и тыловые учреждения дивизии. Ввиду огромного некомплекта конского состава в частях артиллерии сделать подвижными и взять для операций удалось лишь по две батареи от легких артиллерийских дивизионов и из тяжелого и гаубичного дивизионов удалось только выделить сводный дивизион в составе одной тяжелой и одной гаубичной батареи; остальные же батареи легких, тяжелого и гаубичного дивизионов, сосредоточенные для удоб-

ства довольствования к станциям железных дорог, пришлось оставить в районе стоянки.

Отправлялись части, казалось, в благоприятном настроении; но из-за невероятно тяжелых условий переброски (чрезмерная плотность размещения в вагонах, антисанитарное состояние их, плохое обеспечение продовольствием и горячей пищей за недостатком походных кухонь), влияния контрреволюционной агитации, которой подвергались части на станциях в пути, ставшей исключительно интенсивной на самом побережье Финского залива, и, наконец, злостных слухов, распространяемых населением района расквартирования полков после выгрузки, это настроение значительно пало. Слухи самые невероятные обрушивались на встревоженный, восприимчивый мозг красноармейца.

Среди красноармейцев распространяли слухи, будто матросы восстали лишь потому, что они не могли стерпеть безобразий и беззаконий, даже с революционной точки зрения, чинимых местными кронштадтскими властями. Говорили, что Кронштадта теперь не взять никакими силами, так как лед вокруг острова и фортов уже разломан, что первая попытка овладеть крепостью, произведенная курсантскими частями, окончилась полным поражением этих частей, с большими жертвами. Последняя версия, раздутая до невероятных размеров, все же имела некоторое основание, так как первая слабая попытка овладеть Кронштадтом 8 марта действительно закончилась неуспехом.

Части 79-й стрелковой бригады, прибывшие на побережье раньше других, подверглись более продолжительному влиянию разлагающего действия всяких слухов и агитации, и уже 13 марта, при выступлении бригады из Лигово в Ораниенбаум, в 236-м Оршанском полку отметились признаки брожения в умах некоторой части красноармейцев.

Политическое управление Петроградского военного округа, исполнявшее функции политического отдела 7-й армии, обратило внимание на разъяснение происходящих событий красноармейцам прибывших уже частей, но работа велась недостаточно систематично, носила налетный характер и исчерпывающих результатов не давала. Слабый состав политруков в частях, ослабленный качественно благодаря состоявшемуся ранее изъятию лучшей части для работы в хозяйственных органах, не мог справиться со вставшей перед ним сложной задачей.

Было несравненно улучшено питание и материальное положение частей; так, наряду с выдачей приварка в полных нормах части были переведены на двухфунтовый паек хлеба. Эта мера, при положительных результатах, служила для зло-

стных провокаторов одним из аргументов агитации: пытались возмутить красноармейца, подчеркивая, что при надобности есть и по два фунта хлеба, а когда опасности не было, то три четверти фунта выдавали. Агитация агентуры мятежников росла, слухи ширились и ползли один другого невероятнее. То в прошлое неудачное наступление 10 тыс. курсантов погибло, то на средней части залива уже появилась поверх льда вода на аршин, то гарнизон Красной Горки (состоявший из прибрежных морских батарей) угрожает стрельбой по всем, кто попытается наступать на Кронштадт.

Старый состав бойцов ко всему этому относился поразительно стойко, но наиболее шкурнические элементы более поздних пополнений не выдержали этого напора провокации и дрогнули. 14 марта часть красноармейцев 235-го Невельского полка и 237-го Минского открыто отказалась выполнить приказ выступить для занятия участка по берегу. При шкурнических выкриках провокаторов: «Слыхано ли дело, чтобы пехота на флот ходила», «На лед не пойдем» и т. п. возбужденная толпа устремилась из Ораниенбаума в сторону Петергофа к 236-му Оршанскому полку, причем уже отметилось активное подстрекание красноармейцев отдельными лицами к возмущению. Принятыми командованием Южной группы мерами эта группа была разоружена. Командный состав и комиссары бригады и полков в этот день проявили, по моему мнению, непростительное слабование.

Таково было положение к вечеру 14 марта, когда на побережье прибыли и выгрузились части 80-й бригады и тяжелый артиллерийский дивизион.

Утром 15-го на станцию Новый Петергоф прибыл и штаб дивизии. Узнав о случившемся в 79-й бригаде со слов бывшего члена Революционного военного совета 16-й армии, я был поражен такой переменной настроенности полков к худшему и счел долгом первым делом поговорить с разоруженными. По предложению тов. Ворошилова, исполнявшего обязанности военного комиссара Южной группы, разоруженные были выстроены в Ораниенбауме, причем первым с ними заговорил тов. Ворошилов, указавший на исключительную тяжесть их вины, и тут же заявил, что, при всем великодушии пролетарской власти, все же с них будет взыскано по законам военного времени, а с активных зачинщиков и явных подстрекателей — сугубо. Следующим говорил я. Жалкий и без того пришибленный вид разоруженных солдат усиливался еще тем, что при оборванности обмундирования красноармейцы были сильно истощены физически продолжительным хроническим недоеданием в прошлом. Я был взволнован и внутренне жалел их. Я знал, что, будь им своевре-

менно разъяснено дело, эксцесса не было бы. Несокрушимость силы Красной Армии ведь заключалась в том, что красноармеец всегда знал, с кем и за что он борется. Он привык знать, а в данном случае этого не было. Сославшись на боевое прошлое дивизии и указав, что подобного позорного эпизода еще не было в истории ни одной из ее составных частей, что на виду у неприятеля красноармейцы дивизии еще никогда не заводили подобных рассуждений как выражения недоверия своему командному и комиссарскому составу, заявил, что объят справедливым негодованием против опозоривших честь знамен, но, принимая во внимание, что масса состоит главным образом из крестьян и совершила проступок, побуждаемая минутным малодушием, как начальник, жалею их и сделаю все, чтобы желающим искупить свою вину предоставили к тому возможность, и, твердо заявив, что Кронштадт будет взят независимо от участия той или иной части, что 27-я дивизия пойдет на штурм, спросил, кто хочет идти в первых рядах ее. Все подняли руки, как один человек. После меня выступили тов. Дыбенко (начдив Сводной) и один перебежчик из Кронштадта.

Посоветовавшись с тов. Ворошиловым, распорядился вернуть всем оружие и при развертывании полков для штурма назначить их в головные колонны, заранее решив идти самому именно с этими полками. В следующие дни, т. е. 15 и 16 марта, совместно с военным комиссаром дивизии тов. Дрейцером объехал с целью выяснения настроения и беседовал со всеми прибывшими полками, причем признаки ненадежности отметились в одном из батальонов 239-го Курского полка. Но с прибытием в части значительного числа коммунистов (делегатов Всероссийского партийного съезда), приехавших на фронт по постановлению съезда, после их работы и наших бесед настроение частей упрочилось. Аналогичные эпизоды брожения еще ранее отмечались и в частях Сводной дивизии (отказ от наступления 8 марта), но были своевременно изжиты.

Намечавшийся командармом-7 первоначальный план использования дивизий Южной группы в связи с эпизодом в 79-й бригаде и запозданием прибытия эшелонов 31-й бригады был в корне изменен, 27-я дивизия с правого боевого участка группы переводилась на левый. Сводная же дивизия — с левого на правый.

Учитывая особенности местности — на побережье отсутствовали тыловые дороги в глубину на участках дивизий, а проходимая полоса дорог, идущих параллельно фронту, ограничивалась полосой прибрежных населенных пунктов, — вышеуказанную перегруппировку пришлось совершить, пользуясь

исключительно улицами селений, что повлекло за собой сильнейшее запружение улиц, с неизбежным скрещиванием и перемешиванием движущихся колонн и обозов. Конкретно задачи по занятию исходного положения, поставленные командующему Южной группой, сводились к следующему: Сводной дивизии к 2 час. 15 марта было приказано сосредоточиться в районе слобода Егерская — Мартышкино — Ораниенбаум — Троицкая, заняв сторожевым охранением участок Мартышкино — Кронштадтская колония (штаб дивизии в Троицкой); 79-й бригаде к 24 час. 15 марта сменить сторожевые части Сводной дивизии на участке Кронштадтская колония — Ижора (включительно), а к 21 часу 16-го сосредоточить остальные части бригады в районе Кукушкино — Болотино — М. Болотино — Колоколово (штаб бригады — Пеники), причем легкая артиллерия, приданная 79-й бригаде и Сводной дивизии, оставалась на прежних участках. 80-я бригада должна была составить резерв группы и сосредоточиться к 22 час. 15 марта в районе Тендузи — Ратулин — Б. Илики — Гандулово (штаб бригады в Тугозы). К началу 16 марта части выполнили этот приказ.

Прибывшему утром 15 марта штабу 27-й дивизии из-за чрезвычайной перегруженности войсками, тыловыми учреждениями и складами прибрежных поселков и крупных населенных пунктов штаб Южной группы не мог избрать и назначить подходящего пункта, и за двое суток, 15 и 16 марта, были назначены для стоянки последовательно следующие пункты: Тугозы, Б. Илики, Латики-Венки и, наконец, Ораниенбаум, но, по-видимому, по причинам предполагавшегося разобщения действий 79-й и 80-й бригад, объединить руководство их действиями мне не поручалось, а равно оставался не использованным в должной мере и штаб дивизии.

К началу операций (17 марта) лед на Финском заливе был еще настолько крепок, что мог выдержать движение пехоты, обозов и легкой артиллерии, и, таким образом, возможность подхода вплотную к фортам и ядру крепости со стороны осаждающего была вполне обеспечена. С другой стороны, окружающая крепость местность до побережья, по льду, была совершенно ровная, хорошо обозреваемая как днем, так и ночью, что при полном отсутствии местных предметов и мертвых пространств, за которые можно было бы зацепиться наступающему, сильно увеличивало обороноспособность крепости.

Оба побережья на ближайшем расстоянии от ядра крепости, удаленные: северное — на 8—12 верст и южное — на 6—8 верст, являются господствующими по отношению к крепости и острову и представляют пересеченную холмистую мест-

ность, покрытую лесами; вдоль побережий имеются железные дороги и достаточная сеть шоссейных и грунтовых дорог. В общем береговая местность для осаждающего являлась удобной в отношении сосредоточения частей, давала прекрасные оборонительные позиции для пехоты и артиллерии и служила хорошим исходным рубежом нападающим частям для штурма фортов и ядра крепости с юга и северо-востока.

Мятежники располагали в крепости следующими силами: 560-й стрелковый полк — около 1200 бойцов при 24 пулеметах, отряд с линейных кораблей — около 100 человек, проходящая команда — около тысячи человек, команды с охлажденных линейных кораблей — около 200 человек, морские курсы — 500 человек и другие мелкие части. Для активных действий насчитывалось около 5 тыс. отборных бойцов при общей численности гарнизона крепости Кронштадт около 12 тыс. человек (из них матросов около 10 тыс.). Общее число орудий всех калибров достигало 250, но, принимая во внимание: 1) что часть из них находилась на кораблях, которые были в охлажденном состоянии и потому бездействовали, 2) что не все пушки на дредноутах «Петропавловск» и «Севастополь» могли действовать из-за неподвижности судов и 3) что часть орудий была непригодна к стрельбе, — число действующих орудий, таким образом, можно было считать не более 50 процентов из общего числа, причем приходилось действовать на два фронта. Число действующих пулеметов достигало 50 процентов. Запасы снарядов, за исключением 12—10-дюймового калибра, были велики; запас винтовочных патронов был ограничен.

С довольствием дело обстояло хуже: выдавали по полтора фунта хлеба (суррогат) в день и банку консервов на три дня. Но благодаря тому что связь с Финляндией не была прервана, надежда на улучшение продовольственного вопроса не покидала мятежников. Общее моральное состояние, сильно понизившееся к началу боевых операций, все же было бодрым.

Несмотря на то что значение Кронштадта как морской крепости ввиду окружавшего его льда сильно умалялось, все же наличие в крепости солидных построек и закрытий обеспечивало гарнизону не только жизнь и боевую упругость, но гарантировало правильность функционирования управления, наблюдения и позволяло обороне быть спокойной за материальные средства ведения борьбы. Знание же впереди лежащей местности и подготовленность ее (пристрелянность в отношении артиллерийского огня с фортов крепости) при наличии большого количества средств поражения еще более усиливали неприступность крепости. Налаженная постоянная

агентурная разведка и наблюдение, полная осведомленность о действиях и намерениях осаждающего благодаря шпионажу избавляли гарнизон от напрасных тревог и беспокойства и тем сохраняли его боевую упругость.

Приближение весны, а следовательно, и ледохода вселяло надежды на полную неприступность крепости. Выигрыш необходимого на это времени являлся главной задачей обороняющегося. В общем обороняющийся находился в условиях довольно выгодных для активной обороны.

Как уже упоминалось, для действия против Кронштадта со стороны южного побережья Финского залива была создана Южная группа войск со штабом в Ораниенбауме.

Состав Южной группы: Сводная дивизия (32, 167 и 187-я бригады) и 27-я Омская стрелковая дивизия, которые сосредоточивались в новом районе под прикрытием полка особого назначения, несшего с приданными ему бронепоездами охрану всего южного побережья от Петрограда до устья.

Боевой состав действовавших под Кронштадтом частей дивизии к этому времени был таков. 79-я бригада: 3021 боец пехоты, 67 пулеметов, 12 трехдюймовых орудий; 80-я бригада — без трех пулеметных команд, переданных в Сводную дивизию: 2676 бойцов пехоты, 51 пулемет и 8 трехдюймовых орудий; сводный тяжелый дивизион: 2 42-линейных и 2 48-линейных орудия; 27-й кавалерийский полк: 300 сабель. Всего около 5700 бойцов пехоты, 300 сабель, 118 пулеметов и 24 орудия (81-я бригада и инженерный батальон дивизии участия не принимали, так как прибыли с запозданием; остальная часть тяжелой артиллерии осталась в районе Гомеля из-за неподвижности). Численность же Сводной дивизии была около 6 тыс. штыков. В общем в Южной группе, не считая береговой охраны и вспомогательных войск, действующие против мятежников пехотные силы достигали 10 тыс. штыков.

Снабжение сосредоточенных и подготовляемых войск было заботливое, в частности продовольственное — чрезмерно щедрое, если не сказать расточительное. Организация продовольственного снабжения была бессистемна и нерациональна, отдельные части имели возможность свою суточную потребность на один и тот же день получить по нескольку раз в разных складах.

Правда, в районе подготовки операции жизнь, казалось, бьет ключом, но для опытного глаза нетрудно было заметить, что значительная часть суеты и движения рождалась в результате недостатка расчета и распорядительности со стороны полевого управления Южной группы.

Так как мятежники могли строить все расчеты исключительно на выигрыше времени, командование 7-й армии торопилось с началом штурма. В ночь с 15 на 16 марта для выяснения степени готовности войск к наступлению и установления полного взаимодействия между артиллерией и пехотой командующим Южной группой тов. Седякиным было назначено военное совещание в составе старших пехотных артиллерийских и инженерных начальников (до комбригов включительно) и особенно авторитетных военных работников, как товарищи Бубнов, Ворошилов, Затонский и другие. Командующий группой, вкратце объяснив собравшимся цель совещания, предложил войсковым начальникам высказать соображения по двум следующим вопросам: 1) следует ли перед наступлением пехоты производить артиллерийскую подготовку и 2) когда начать атаку; причем высказывать было предложено почему-то, начиная со старших, а не с младших начальников. Первым высказал соображения начдив Сводной тов. Дыбенко, который категорически заявил свою уверенность в пехоте и отвергал надобность предварительной артиллерийской подготовки. Затем высказался я, заявив, что силы, средства и дееспособность нашей артиллерии мне неизвестны, почему и суждения по существу вопроса иметь не могу, и просил до ответа заслушать сообщение начальника артиллерии группы. Командующий группой согласился, и был заслушан доклад начальника артиллерии, который, к сожалению, оказался сам не совсем в курсе дела и явно обнаружил свое несоответствие столь ответственному назначению. При его неуверенном в правильности сообщаемых сведений докладе значительная часть войсковых начальников определенно негодовала. К концу доклада начальника артиллерии у всех создалось убеждение в недостаточности нашей артиллерии, несоответствии большей части калибров предстоящей задаче и вялой дееспособности ее, начиная с самого начальника.

В действительности же к началу операции на южном берегу Финского залива была сосредоточена довольно крупная по численности артиллерия: 31, 32, 79, 80, 167, 187-й легкие артиллерийские дивизионы, 187-й гаубичный, 27-й и 56-й сводные тяжелые дивизионы, тяжелый дивизион Детскосельских курсов, 1-й отдельный тяжелый дивизион Западного фронта, дивизионы ТАОН * литеры «Е», «С» и «М». Кроме того, на нашей стороне оставался форт Красная Горка, который был вооружен орудиями до 12-дюймовых включительно. На том же берегу были сосредоточены бронепоезда № 16, 20, 27, 83

* Тяжелая артиллерия особого назначения (резерв главного командования).— *Ред.*

и 203 и бронелетучки № 157 и 204; всего приблизительно насчитывалось: не менее 50 легких трехдюймовых орудий, 20 48-линейных гаубиц, 12 42-линейных пушек, 16 шестидюймовых гаубиц, 6 120-миллиметровых, 6 155-миллиметровых, 6 42-линейных пушек и 4 шестидюймовые гаубицы — всего около 120 орудий. Вся перечисленная артиллерия Южной группы была сосредоточена на небольшом сравнительно участке Мартышкино — Малая Ижора (приблизительно 9—10 верст по фронту и 3 версты в глубину). Такая крайняя скученность артиллерии обуславливалась, во-первых, удобством артиллерийских позиций на местности, богатой лесами, отдельными рощами, ложбинами, холмами и т. д.; во-вторых, наличием хороших путей сообщения (железная дорога, шоссейные и грунтовые дороги), что облегчало подвоз огнеприпасов, и, в-третьих, тем, что данный район являлся ближайшим к крепости, что давало возможность тяжелой дальнобойной артиллерии поражать все цели на острове Котлин и на фортах к югу от него, а легкой артиллерии — те же форты и угольную площадку. Вся артиллерия Южной группы была объединена под общим руководством начальника артиллерии группы с выделением всех тяжелых батарей в отдельную группу; 79-й и 80-й легкие артиллерийские дивизионы оставались в подчинении комбрига-79, а 31-й и 32-й легкие артиллерийские дивизионы — в подчинении начдива Сводной. Подготовка к операции велась тщательным образом: оборудовались артиллерийские позиции и наблюдательные посты, заготавливались огромные по тому времени запасы снарядов, произведена была пристрелка всей тяжелой артиллерии. Схема связи была такова: начальник тяжелой артиллерии Южной группы имел связь с командующим Южной группой; начальник двух групп легкой артиллерии имел связь с комбригом-79 и начдивом Сводной.

Кажущаяся мощность нашей артиллерийской группы уменьшалась почти полной непригодностью для предстоящего дела всей легкой артиллерии, неуверенностью управления огнем из-за ненадежности средств связи. Артиллерию мятежников (крепости) приходилось считать превосходной.

Было ясно, что наша артиллерия разрушение крепости и фортов произвести не сможет, как равно не сможет устранить и иные препятствия на пути пехоты. Производить артиллерийский обстрел крепости ради морального эффекта на гарнизон крепости также не было смысла, так как в случае ответа крепости после артиллерийской дуэли могло оказаться, что благодаря силе и меткости стрельбы крепости может последовать как раз моральное потрясение наших войск. Получив слово для соображений, я и высказался в этом духе, за-

явив, что, по моему мнению, обнаруживать предстоящее наше наступление заблаговременной артиллерийской атакой крепости не следует.

В этом же духе высказались командиры 32, 79, 80, 167 и 187-й бригад и артиллерийские начальники. Последнему слово было предоставлено инженеру тов. Смородину, который, не разбив соображений большинства, категорически высказался за артиллерийскую подготовку, подкрепляя свои соображения пространными ссылками на германскую систему ускоренной атаки крепостей и иллюстрируя это эпизодами овладения бельгийскими крепостями Льеж и Намюр. Как мне тогда казалось, каждый из начальников, не отвергая принципиальной важности действия артиллерии при атаках крепости, в этом частном случае придерживался особого мнения, и тов. Смородинов, упустивший из виду разницу средств и способности немецкой осадной артиллерии с силами нашей, полагаю, не убедил никого; но, как впоследствии оказалось, «артиллерийская бомбардировка» все же была назначена. В выступлении тов. Смородинова была и еще одна деталь, которой нельзя не коснуться. Самая продолжительная по времени речь инженера тов. Смородинова, как нам тогда всем казалось, была произнесена по заданию командования группы и заранее обдуманна.

При обсуждении вопроса о надобности или ненадобности артиллерийской подготовки было возбуждено еще несколько мелких вопросов, из коих в памяти наиболее сохранился вопрос о связи между начальниками пехотных и артиллерийских боевых участков. Так, на совещании было решено, что помимо живой связи (ординарцами) и технической (телефонной) в качестве средства связи будет использована и сигнализация цветными ракетами.

Было точно установлено условное обозначение цветов ракет. Но к тому времени ни в частях, ни в снабжении Южной группы ракет не было, а предполагалось, что их изготовит один из питерских заводов. Как и следовало ожидать, к началу штурма ракеты нужных цветов не были изготовлены, и заблаговременное установление условных обозначений внесло лишь путаницу.

По вопросу о начале штурма мнения сильно разошлись. Кто считал нужным момент непосредственно атаки фортов и острова произвести еще затемно, кто — приурочить к рассвету, в конце концов пришли к заключению начать движение колонн так, чтобы атаку приурочить к 6 час. утра. Но опять-таки разошлись в мнениях по вопросу, из скольких верст движения в час строить расчет времени выступления колонн. Были мнения дать темп движения в час от полутора до шести

верст, причем за шесть верст высказывался я один, мотивируя это: а) необходимостью вообще придать быстрый темп движению, хотя бы мерами понуждения; б) тем, что ровная поверхность льда, покрытая незначительным слоем снега, давала возможность быстрого продвижения пехоты, а простор в полной мере обеспечивал устранение каких бы то ни было затруднений, свойственных движению пехоты по дорогам, и в) возможностью облегчить общепринятое снаряжение солдата тем, что не было необходимости красноармейцам носить на себе ни личных вещей, ни запасов продовольствия. Решено было для расчета принять движение — пять верст в час, но впоследствии в бою подтвердилось, по крайней мере в движении 79-й и 80-й бригад 27-й дивизии, что колонны, поторапливаемые комсоставом и в не меньшей мере артиллерийским огнем, превзошли мои ожидания в смысле быстроты.

С рассветом 16 марта я с военным комиссаром отправился в полки 80-й бригады для разъяснения событий и подготовки к выполнению предстоящей задачи. В этот день я окончательно убедился в прочности настроения полков 79-й и 80-й бригад. Из-за перегруженности станций Ораниенбаум, Старый Петергоф, Новый Петергоф и Лигово прибывающие эшелоны стрелковой и пулеметной дивизионных школ и кавалерийского полка были задержаны для разгрузки в Красном Селе, откуда походным порядком должны были прибыть на побережье. Прибытие их к началу наступления становилось маловероятным. Головные эшелоны 81-й бригады только начали достигать ст. Гатчина, как последовало распоряжение о задержании их выгрузки ввиду предстоящего назначения бригады для операций против банд, действующих в низовьях Волги.

В 12 час. 15 мин. командующий Южной группой отдал приказ к наступлению. Общий план 7-й армии сводился к тому, чтобы Южная группа (состав: Сводная дивизия, 32, 167, 187-я бригады, особый курсантский полк, 27-я Омская дивизия в составе 79-й и 80-й стрелковых бригад и артиллерия, перечисленная выше) ударом с восточной и южной сторон 17 марта овладела крепостью. Одновременно Северная группа (состоявшая исключительно из курсантских частей) должна была повести удар с Лисьего Носа на северо-восточную окраину острова Котлина для овладения фортами северного фарватера залива.

Во исполнение задачи Южной группы командующим последней в упомянутом выше приказе были поставлены следующие задачи:

1) Начальнику артиллерии в 14 час. 16 марта приступить к бомбардировке Кронштадта и продолжать ее до наступ-

ления темноты, израсходовав по целям половину имеющихся на батареях снарядов. В 2 часа 17 марта быть готовым, по световому сигналу или по телефону, огнем содействовать наступлению пехоты. Подтверждались условленные на совещании сигналы: красная ракета — открыть огонь, зеленая — прекратить. К вечеру по упомянутым уже мною причинам сигнал о прекращении огня был заменен трехцветной ракетой.

2) Начдиву Сводной выступить в 2 часа 17 марта из Мартышкино и, двигаясь в общем направлении на Петроградские ворота, к 6 час. атаковать гор. Кронштадт с юго-востока. Дальнейшее движение совершать двумя колоннами, вдоль северной и южной частей города, с целью занятия всей его восточной части. Комбригу 79-й стрелковой, спустившись на лед Кронштадтской колонии в 4 часа 17 мин., овладеть фортами южного фарватера залива, после чего захватить западную часть города.

3) Комбригу-80 к 2 час. 17 марта сосредоточить бригаду в районе Мартышкино, оставаясь в резерве группы.

Кроме того, в личной беседе командующий группой мне сказал, что, если 79-я бригада успешно справится с фортами и будет иметь успех на острове (т. е. в городе), для развития этого успеха немедленно будет кинута 80-я бригада, и тогда мне придется объединить руководство их действиями. Таким образом, пока бригады должны были действовать как отдельные, мне руководить было нечем, и мы с военным комиссаром решили идти с бригадами в качестве бойцов, дабы принести пользу хоть психологическим влиянием своего присутствия в боевой линии.

Внутренне с намеченным командующим группой планом я был несогласен, ибо считал, что главный удар наносить следовало не в лоб (на Петроградские ворота), а с юго-запада, на западную часть города, где концентрировалось все управление крепостью. Я считал, что если крепость, построенная главным образом для возможной борьбы с флотом, обращена была фронтом на запад, то не следует думать, что мятежники не успели приспособить ее для обороны против пехоты с востока, тем более что еще в период измены гарнизона Красной Горки, во время юденичевского похода на Питер, кое-какие работы в этом направлении были проделаны. Если же учесть, что все расчеты мятежников были построены на базировании на Финляндию, то действия на крепость обходом с юга и с северо-запада получали характер действий по коммуникационным линиям и в тыл, тем более что в западной части города были расположены штаб крепости, телефонная станция артиллерии, городская центральная телефонная станция, ревком,

центральная электрическая станция, склады и квартира генерала Козловского.

Считая, что удар левой колонны Южной группы должен был отразиться наиболее чувствительно, назначение в эту колонну трех полков, а в правую десять (плюс три в ближайшем резерве) считал нецелесообразным, но воинская дисциплина обязывала... и, кроме того, критический подход к распоряжениям, особенно в эти дни, был совершенно недопустим.

16 марта, с опозданием на 15 минут, наши батареи открыли редкий, методический огонь по крепости из тяжелых и легких орудий. Наблюдая в разное время и с разных пунктов стрельбу нашей артиллерии, я поражаюсь исключительно плохой меткостью стрельбы. Несмотря на длительность общей подготовки операции, дававшей возможность заблаговременной и точной пристрелки, несмотря на хорошую видимость целей и значительное количество выпущенных снарядов, попадания были очень ограничены. Мятежники в этот день проявили выдержку: почти до самого вечера крепость не ответила на нашу стрельбу ни одним выстрелом; но затем, открыв огонь из тяжелых орудий, в течение одного часа зажгли у нас несколько прибрежных селений, спасательную станцию на берегу и фуражный склад Южной группы. Петергоф и Ораниенбаум подверглись, правда, непродолжительному, но интенсивному обстрелу.

К ночи все затихло, только усиленная деятельность прожекторов крепости наводила на мысль, что наши намерения разгаданы. Но время близилось. С лихорадочной поспешностью заканчивалась подготовка частей, т. е. выдавались прибывшие с запозданием белые халаты, саночки для пулеметов и патронов, лестницы, шесты и т. п.

Принимая во внимание, что главный удар будет наноситься с юго-восточной стороны Сводной дивизии и что успех, по видимому, будет обеспечен в довольно короткое время, комбриг-79 тов. Хаханьян решил направить части бригады так, чтобы главные ее силы как можно быстрее достигли города, считая, что со взятием города, ядра крепости, форты сами падут. Для этого 236-му Оршанскому полку была дана задача — атаковать южные батареи № 1 и 2 и форт «Милютин». 237-му Минскому и 235-му Невельскому полкам, невзирая на действия 236-го полка, стремительно наступать на форт «Павел», откуда нанести удар по юго-западной (средней) части города (конец Александровской улицы) и захватить всю западную часть острова, до Соборной улицы включительно; легкой артиллерийской группе — поддерживать наступление 236-го полка, развиг перед атакой ураганный огонь по батареям № 1 и 2 и форту «Милютин»; кроме того, одну бата-

рею подготовить для спуска на лед и следования за пехотными частями.

Управление частями должно было достигаться личным наблюдением за полем боя и посредством технической связи, для чего устанавливалась двухпроводная связь: Кронштадтская колония — спасательная станция. Из Кронштадтской колонии 236-й полк должен был тянуть провод за собой по мере продвижения к 237-му и 235-му полкам из спасательной станции, которая должна служить им исходным пунктом на лед. На спасательной станции находилась бригадная контрольная станция, откуда имелась связь с начальником легкой артиллерии, приданной бригаде, со штабом 27-й дивизии и со штабом Южной группы.

Пожар на спасательной станции не был еще ликвидирован; она догорала, освещая значительный участок побережья, тем не менее место спуска на лед 237-го и 235-го полков не представлялось возможным изменить, так как другого подходящего места на данном участке не имелось.

К 4 час. 17 марта я прибыл к назначенному месту спуска на лед, но полков еще не было: 237-й Минский и 235-й Невельский полки опоздали на пятнадцать минут, в течение которых, поджидая части, мне удалось детально осмотреть расположение станции, подыскать два места возможного спуска на лед, почему в целях наверстать время по прибытии комбрига-79 я ему и предложил спуск полков на лед произвести одновременно, что и было сделано.

В 4 часа 17 марта 236-й Оршанский полк спустился в районе Кронштадтская колония на лед. В 4 часа 15 мин. 237-й и 235-й полки одновременно начали спуск на лед в районе спасательной станции. С последними двумя полками следовали комбриг-79, военком и я с замвоенкома тов. Петровым. Ночь была не особенно темная, но на расстоянии 500 шагов движущиеся части не были видны. Настроение частей, идущих на штурм крепости, было напряженно бодрое. Шли легко, без шума.

Когда, уже будучи на льду, я встретил головную колонну 237-го Минского полка, я сказал несколько напутственных слов. По тому, как колонна, как бы подтолкнутая какой-то невидимой силой, быстро приобрела большую стройность и ускорила движение, я почувствовал, что мое присутствие все же не бессмысленно. Затем комбриг и мы с военкомом, следя за спуском, способствовали быстрому упорядочению и эшелонированию полковых колонн по льду, вытягивая и направляя их в направлении удара.

Для того чтобы удержать наиболее прочное управление красноармейцами в руках командного состава ночью, поль-

зуюсь прикрытием темноты, было решено войска подводить к месту боя на возможно близкое расстояние в сомкнутых колоннах. И это было не напрасно, ибо даже с перестроениями сомкнутых, компактных порядков младший командный состав плохо справлялся. При всем этом необходимо признать, что спуск на лед и движение шло быстрым темпом и с достаточной стройностью.

Довольно продолжительное время мы двигались в тишине, незамеченные, и только монотонный шорох движущейся по льду массы обнаруживал движение. Красноармейцы поняли важность задачи; не раздавался никакой посторонний звук, а нужно признаться, что Красная Армия не особенно умела соблюдать осторожность. Когда колонны 237-го Минского и 235-го Невельского полков уже миновали линию южного форта № 1, обходя его восточнее, жуткую тишину нарушили два первых ружейных выстрела: то головные колонны 236-го Оршанского полка подошли вплотную к форту и были обнаружены наблюдателями. Это было ровно в 5 час. В следующую минуту все наши батареи и крепость открыли артиллерийский огонь. Одновременная стрельба более чем 300 орудий производила глубокое впечатление даже на бывалых, испытанных бойцов из среды командного состава, не говоря уже о красноармейцах. Стрельбы на участке Сводной дивизии еще не было слышно, а между тем еще задолго до этого (десять — пятнадцать минут) командующий группой передал по телефону, что части Сводной спустились на лед в 3 часа и будто подходят к самому городу. Но никакого боя на правом участке не было ни видно, ни слышно. Сообщение тов. Седякина мы истолковали как прием подбодрить и поторопить нас. Огонь крепости сосредоточивался на участке 79-й бригады, и 236-го полка в частности.

Лучи прожекторов, до того спокойно лизавшие ледяную поверхность, нервно забегали, а один из наиболее сильных взял под защиту своего света южные форты № 1 и 2 и замер.

Перед нами разыгралась картина красивого боя по своим внешним формам. Два ярких полукольца почти не потухающих выстрелов, грохот и треск рвущихся снарядов, визг их, сверлящих воздух, и вой отскакивающих от гладкой поверхности льда, вырастающие и рассыпающиеся столбы воды и льда от подводных взрывов, содрогание льда под ногами на общем фоне ночи — все это произвело неизгладимое впечатление. Все, вместе взятое, больше воодушевляло, чем удрочало.

Когда к артиллерийской канонаде присоединилось рокотание пулеметов на фортах № 1 и 2, раздались и первые выстре-

лы на правом участке (Сводной дивизии). Дело же на нашем участке развертывалось в следующем порядке.

236-й полк двигался в направлении на форты, имея целью атаковать первым батальоном совместно с командой пеших разведчиков (последняя должна была демонстрировать с западной стороны форта) форт — батарею № 1; 2-й батальон должен был атаковать батарею № 2; 3-й батальон оставался в резерве и двигался на расстоянии около 600 шагов. Шагах в тысяче от фортов батальоны рассыпались в цепь и повели наступление. Как только батальоны приблизились на расстояние 800 шагов, пешая разведка произвела налет на форт № 1 с западной стороны. Противник сосредоточил ураганный огонь из пулеметов и орудий всех калибров по западной окраине форта. Батальоны не замедлили атаковать форт и взобрались на стены. Гарнизоны фортов забрались в казематы и оттуда вели усиленный ружейный и пулеметный огонь, причиняя батальонам большие потери. На поддержку им были даны: 1-му батальону 7-я рота, а 2-му — 9-я рота. 7-я рота, забросав гранатами противника, совместно с частями 1-го батальона взяла в плен 105 человек. 2-й батальон с 9-й ротой вел бои в течение трех часов, причем батальону пришлось временно сойти с форта, так как наша артиллерия продолжала обстреливать форт № 2, несмотря на то что была выпущена ракета о прекращении огня (между прочим, ракета оказалась белой вместо трехцветной, а ручные гранаты в большинстве не рвались).

Спустя около получаса после того как по телефону до нашей артиллерии дошло приказание прекратить огонь, 2-й батальон вновь атаковал форт и овладел им, захватив в плен 112 человек. Несмотря на то что полк в целом понес большие потери и был сильно расстроен, командир полка выделил сводный батальон (около 170 штыков) и приказал атаковать форт «Милютин». Однако для выполнения этой задачи силы были слишком недостаточны, тем более что было светло и противник буквально засыпал артиллерийским и пулеметным огнем окружающее форт пространство.

237-й полк двигался в голове, а за ним непосредственно — 235-й полк. Движение полков до форта «Павел» было совершенно незаметно для противника, и только в 200 шагах от форта разведка 237-го полка была обстреляна ружейно-пулеметным огнем. Главные силы полка в это время находились шагах в 600 от форта. Полк быстро принял боевой порядок, имея 2-й и 3-й батальоны первой линии (в цепи) и 1-й батальон — уступом слева. Стремительной атакой полк выбил противника и занял форт «Павел», причем часть гарнизона бежала на форт «Кроншлот». С занятием форта «Павел» 237-й полк и правее его два батальона 235-го полка разверну-

лись в боевой порядок и повели наступление на юго-западную часть крепости, по направлению к южному концу Александровской улицы; 3-й батальон 235-го полка был выставлен заслоном в сторону Каботажной гавани для обеспечения правого фланга. Невзирая на сильный пулеметный огонь с острова и со стен Каботажной гавани, полки прорвали ряд проводочных заграждений и, преодолев городской вал, ворвались в город. Завязались сильные уличные бои. 237-й полк, выполняя свою задачу, устремился по Александровской улице к Северному бульвару. 235-й полк вел бой в юго-западной части восточной окраины города (Цитадельская и Сайдашная улицы). Полки несли большие потери. Хотя бой на участке Сводной дивизии усиливался, тем не менее главное внимание противника было сосредоточено на нас. Возникло опасение, что части из-за убыли людей иссякнут и не смогут не только развивать успех, но и удержать занятое. По телефону обратился в штаб группы с просьбой передать командующему, что, по моему мнению, для развития успеха необходимо предоставление 80-й бригады, но получил ответ, что 80-я бригада брошена на участок Сводной дивизии, как равно и сообщение, что части Сводной дивизии со стороны Петроградских ворот также ворвались в город, но положение их неустойчивое, почему командующий требует действовать поэнергичнее. Ничего не оставалось делать, как смириться с этим. Но когда убитыми и ранеными выбыло до 90 процентов старшего командного состава (комбатов и комрот), руководство отдельными единицами в уличных боях было утеряно.

Связь подвижной телефонной станции 79-й бригады, находящейся при комбриге, с участками полков и штабов группы прекратилась, так как оба провода были разбиты снарядами. Восстановить их не было возможности, ибо телефонистов не стало из-за ранений. Был ранен командир 235-го Невельского полка тов. Терентьев. Мятежники на автомобилях подвезли свежий отряд матросов, который стал наступать со стороны Итальянского пруда. Выставленный заслон 235-го полка — 3-й батальон — был целиком уничтожен пулеметным и артиллерийским огнем. Противник начал обходить нас с юга. Полки, расстроенные большими потерями, дрогнули и начали около 8 час. отход, преследуемые бешеным артиллерийским огнем. Стала вырисовываться опасность тяжелого поражения бригады. Из-за бездействия телефонной связи управление затруднялось. Наряду с тяжелым положением правого фланга создавалась угроза и левому, так как многократные атаки малочисленного отряда, оставшегося от 236-го Оршанского полка, на форт «Милютин» успеха не имели. Наблюдая эти атаки, восхищался героизмом красноармейцев, но чувствовал, что

этот висевший на фланге форт представляет существенную угрозу 237-му полку. Придя к заключению, что отходящие, израненные (даже судя по количеству окровавленных халатов) полки двинуть назад не удастся, я предложил комбригу-79 отправиться к левому флангу, дабы просто способствовать более спокойному отходу 237-го Минского полка, указав, что занятые форты надлежит удержать во что бы то ни стало; сам, оставшись на правом участке бригады (участок 235-го Невельского полка), собрал остатки бригадной школы, двинул их в направлении Каботажной гавани для противодействия обходу противника и обеспечения правого фланга отходящих. Школа вела себя великолепно; облегчила участь невельцев, но в конце концов почти целиком была уничтожена. Никакие меры, предпринятые комбригом-79 и мной, не могли остановить окровавленных, разбросанных на большом пространстве красноармейцев (младшего комсостава не было). Отходили спокойно на спасательную станцию; оршанцы же, временно прекратив атаки форта «Милютин», удерживали за собой форты № 1 и 3. Невельцы и минцы были собраны в районе спасательной станции и Кронштадтской колонии и сведены в два батальона численностью в 300 человек каждый. Около 13 час. полки были сосредоточены в районе слободы Троицкая и поступили в резерв командующего группой.

После отхода полков к спасательной станции я возвратился на берег, явился к командующему группой; здесь я узнал, что Сводная дивизия с приданной ей 80-й бригадой ведет тяжелые бои у Петроградских ворот в городе, что положение наших войск непрочное, и получил категорическое приказание сейчас же отправиться уснуть до 22 час., в какое время получу предписание отправиться для временной замены тов. Дыбенко, переутомленного боем. Пытался выполнить это приказание, но неудачно. Уснуть не удалось; да и можно ли было спать, когда моя бригада дралась в Кронштадте?!

Действия 80-й бригады протекали так: бригада была в резерве командующего группой и никакой определенной задачи к началу наступления не получила. В 5 час. 20 мин. комбриг-80 получил приказание следовать за Сводной дивизией. Тотчас же на лед из Мартышкино был двинут 238-й Брянский полк и непосредственно за ним — 239-й Курский и 240-й Тверской полки. Около 6 час. комбриг-80 получил сообщение, что части 79-й бригады ворвались в город. Это сообщение ускорило движение 238-го полка. В это время 32-я бригада Сводной дивизии, имевшая за собой 167-ю бригаду, успешно наступала на восточную часть города и, попав под сильный огонь форта № 4 (северная группа фортов), начала отходить, увлекая за собой 167-ю бригаду; удерживался лишь батальон

курсантов, ворвавшийся на Угольную площадку. Комбриг-80 получил приказание спешно оказать поддержку 32-й бригаде. 238-й полк, сам попавший в это время под сильный артиллерийский огонь, привел себя в порядок и продолжал стремительное движение вперед. Встретив в расстоянии около одной — полутора верст от Петроградских ворот беспорядочно отходившие части 32-й и 167-й бригад, полк пропустил их сквозь свои цепи и продолжал движение. Около 7 час. 15 мин. полк ворвался через Петроградские ворота в город и тотчас же начал очищать от засевших матросов северо-восточный угол и южное побережье города. В это время получено было приказание от помощника командующего Южной группой тов. Саблина сосредоточить всю бригаду у Петроградских ворот, что и было исполнено. Для выяснения обстановки и очищения ближайшего района от засевшего противника по приказанию тов. Саблина были выделены роты с пулеметами от 238-го и 239-го полков. Завязавшиеся упорные уличные бои постепенно втянули большую часть полков. Выбивая почти из каждого дома засевшего противника, 238-й полк сравнительно быстро продвинулся вдоль Петроградской и боковой улиц до линии Песочной улицы. Лишь один батальон 239-го полка встретил особенно упорное сопротивление со стороны противника, засевшего в морской следственной тюрьме, которую батальон занял лишь в 14 час.

Нужно заметить, что, несмотря на то что 80-я бригада была выведена вторично в резерв группы, два полка ее почти целиком были втянуты по частям в уличные бои; не получая определенной задачи для действия целой бригады, комбриг получал отдельные приказания — выделить роту или батальон для поддержки и выполнения отдельных задач (очистить дом, площадь и т. п.). Выдернутые из полков части не возвращались по выполнении задачи обратно, а в разные моменты передавались в подчинение других частей, в зависимости от участка. Успешное продвижение 238-го и частей 239-го полков не было своевременно использовано. Дело в том, что части Сводной дивизии, которые должны были продвинуться вдоль северной и южной окраины города, действовали разрозненно и вяло. Вообще с первого момента вступления в город должного управления частями не было. Каждый командир полка, батальона и роты действовал самостоятельно, но без общего плана, руководства и связи. В результате создалась сутолока, перемешивание частей, беспорядок, а в некоторых случаях и паника. Противник, видя нашу нерешительность и бессистемность наступления, обнаглел и небольшими, но организованными группами перешел в контрнаступление и потеснил части Сводной дивизии. Группа противника засела в здании машин-

ной школы, что в конце Петроградской улицы, взяла под губительный огонь всю названную улицу и тем нарушила связь между отдельными частями 80-й бригады, действовавшими по боковым к ней улицам, и оттеснила их на линию Чеботаревой улицы. Одновременно в тылу, в районе газового завода и военной гавани, вновь усилилось действие ружейно-пулеметного огня противника. Видя, что время уходит и весь добытый с большими потерями и напряжением успех может свестись на нет, комбриг-80 решил независимо от общего положения удерживаться в городе собственными средствами. Желая использовать время до наступления темноты, обратился к начдиву Сводной тов. Дыбенко, принявшему руководство действующими в городе частями от тов. Саблина, с просьбой вывести бригаду из номинального резерва и перейти в решительное наступление всеми полками. Около 15 час. комбриг получил разрешение перейти двумя полками (3-й полк должен был оставаться в резерве группы) в наступление, причем определенной полосы или района для действий не было указано. Комбриг-80, собрав части, поставил задачу: 239-му полку очистить полосу между Петроградской улицей (исключительно) и Северным бульваром и закрепиться на линии канала (Бочарная улица); 238-му полку — полосу между Петроградской и Наличной улицами (включительно) с выходом на одну линию с 239-м полком. Около 19 час. оба полка, сбивая наседавшего противника, перешли в решительное наступление, имея своими соседями небольшие группы из полков Сводной дивизии (остальная часть полков просто рассеялась по восточной окраине города). Несмотря на упорство противника, полки 80-й бригады к 20 час. очистили Песочную улицу, усиленно обстреливаемую продольным пулеметным огнем, выбили противника из здания машинной школы и к 22 час. достигли Бочарной улицы и указанного рубежа. Около этого времени приказом начдива Сводной два полка 80-й бригады были оттянуты в резерв, в район водокачки; 238-й полк занял Песочную улицу, имея сторожевое охранение на линии Бочарной улицы. Положение, таким образом, было восстановлено, но задача в целом — очищение всего города от противника — была выполнена наполовину. Должной связи между частями все же не было, благодаря чему около 22 час. произошло столкновение с первым сводным батальоном курсантов, наступавшим на Кронштадт из занятых им северных фортов, закончившееся, к счастью, одной перестрелкой, без жертв с обеих сторон.

В 12 час. 17 марта 27-й кавалерийский полк сосредоточился в Ораниенбауме и в 12 час. 30 мин. получил приказание от командующего Южной группой отправиться в Крон-

штадт и поступить в распоряжение начдива Сводной. В 13 час. кавалерийский полк выступил из Мартышкино, откуда спустился на лед. Следуя в колонне по одному на дистанции 100 шагов между всадниками и пройдя пять верст в северо-восточном направлении, полк повернул на Петроградскую пристань. Противник все время обстреливал его огнем тяжелой и легкой артиллерии, но без ущерба для полка. В 16 час. весь полк сосредоточился у Петроградской пристани. В это время теснимые контратакой противника части Сводной дивизии устремились на восточную окраину города и стали в беспорядке отходить. Получив от начдива Сводной приказание задержать бегущих, командир кавалерийского полка с помощью полутора эскадрона собрал в короткое время разбежавшихся по льду и спрятавшихся под мостами пристаней до 350 человек с 15 пулеметами, которые немедленно были введены в бой, воодушевленные красноармейцами кавалерийского полка.

В то время когда части 80-й бригады начали вторично теснить противника, начдив Сводной тов. Дыбенко, не будучи уверен в успехе нашего наступления, донес командующему группой, что держаться невозможно и что он допускает возможность оставления города. Это обстоятельство, по-видимому, побудило командующего группой двинуть два полка 79-й бригады (переведенные в это время в Мартышкино) в Кронштадт и назначить меня помощником начальника кронштадтской группы тов. Дыбенко с временным исполнением обязанностей начальника (предписание от 22 час. 17 марта № 541), причем начдив тов. Дыбенко и военком тов. Ворошилов отсылались в Ораниенбаум для отдыха.

В 23 часа 55 мин. я вместе с 235-м и 237-м полками и комбригом-79 выступил из Мартышкино. Около 2 час. 30 мин. 18 марта сосредоточились на восточной окраине города. В полевом штабе Сводной дивизии от тов. Дыбенко получил следующую ориентировку: за день 17 марта части Сводной дивизии (четыре бригады) очистили только восточную часть города до Бочарной улицы. Боевой участок должны были занимать три бригады: 32-я бригада — Бочарную улицу от Северного бульвара до Богоявленской (фактически этот участок занимался частями 80-й бригады); 187-я бригада — участок по той же улице между Петроградской и Петровской улицами; кто занимал средний участок и существовал ли он, тов. Дыбенко не было известно; 80-я бригада, фактически находившаяся в боевой линии, числилась в резерве. Получив эту ориентировку и сведения о состоянии частей Сводной дивизии, установив связь со всеми комбригами, для окончательного выполнения поставленной задачи по овладению всем

Кронштадтом и предупреждения возможных контратак со стороны противника отдал приказ с постановкой задач: 1) комбригу-79 — двумя полками немедленно сменить части 32-й бригады и в 7 час. 18 марта решительно атаковать противника, занимающего Флотские казармы, и, двигаясь в полосе, ограниченной с севера стеной и с юга улицами Екатерининская — Березовая — Высокая, очистить весь район и войти в связь с частями Северной группы, двигавшейся, по сообщению кавалерийского полка, на Кронштадт с северо-востока; 2) командиру 551-го полка с приданным ему одним батальоном курсантов Северной группы немедленно сменить части 80-й бригады и занять участок по Бочарной улице от Богоявленской (исключительно) до Петроградской улицы (включительно) и в 7 час. решительно атаковать противника и очистить район в полосе, ограниченной с севера улицами Екатерининской — Березовой — Высокой и с юга — Петроградской — Сайдашной; 3) комбригу-80 немедленно сменить части 187-й бригады на левом участке по Бочарной улице и в 7 час. решительно атаковать противника и очистить от него весь район, ограниченный с севера линией улиц Петроградская — Сайдашная и с юга южной окраиной острова Котлин, обратив особенное внимание на противника, засевшего на линейных кораблях «Севастополь» и «Петропавловск». 32-я и 187-я бригады после смены должны были сосредоточиться в районе Морского госпиталя и водокачки для приведения себя в порядок. К этому времени стрельба совершенно прекратилась и части вновь прибывшей 79-й бригады удалось обезоружить — не помню, какую школу, но до этого наиболее упорно защищавшуюся, и я вслед за подписанием приказа отправил донесение командующему, которое начиналось так: «Участь крепости фактически решена в нашу пользу, — осталась задача очистить остров».

Части немедленно приступили к выполнению приказа. В это время обнаружилось, что главари мятежников сбежали в Финляндию, и среди оставшихся начался разлад. С рассветом начали прибывать делегации от разных групп матросов, в том числе и от команды «Петропавловска», с заявлением, что они кладут оружие. К утру весь город и форты были в наших руках.

Временно мятежный, Кронштадт вновь стал революционным и советским, и лишь кровавые следы вчерашнего дня напоминали о предательской работе врагов Советской России.